

РАЗДЕЛ 3. ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

УДК 82.09.161.1/161.2

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛИЧНОСТЬ И «ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ»: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ (Я.П.ПОЛОНСКИЙ)

Е.М. Баранская

В статье рассматриваются житнетворческие тенденции в поэзии, прозе, эпистолярно-мемуарном наследии поэта XIX в. Я.П.Полонского.

Ключевые слова: литературная личность, литературно-исторический образ, биография, житнетворчество

В статті розглядаються життєтворчі тенденції в поезії, прозі, епістолярно-мемуарній спадщині поета XIX ст. Я.П.Полонського.

Ключові слова: літературна особистість, літературно-історичний образ, біографія, життєтворчість

The life & creative tendencies in the poetry, prose, epistolary-memoir heritage of Ya.P.Polonsky, the poet of the XIX century, are being scrutinized in the article.

Key words: literary personality, literary-historical image, biography, life & creativeness

Постановка проблемы. Объективное представление об историко-литературном значении поэта XIX в. Я.П.Полонского, его месте в развитии основ поэтических тенденций «золотого» века предусматривает постановку проблемы о лирическом герое Я.П.Полонского и трансформации методов его создания в разные периоды творчества. Это помогает увидеть значимость индивидуально-психологического начала (событийно-биографического фактора) в создании образа лирического героя. Вопрос о соотношении понятий «лирический герой» – «литературная личность автора» – «реальная авторская личность» до сих остается полемичным. Дискуссионными являются не только теоретический, художественно-психологический аспекты, но и вопрос об историко-литературной обусловленности категории «лирический герой».

Цель настоящей статьи – изучить специфику соотношения условно-поэтического и биографического в структуре образа литературной личности Я.П.Полонского и моделирования условно-художественных ситуаций при создании литературно-исторического и «житейского» образа поэта. **Задачи:** проследить, каким образом литературная личность конструирует и реализует себя в различных социокультурных средах на уровне поведенческих характеристик. Воссоздание авторизованного биографического мифа требует анализа историко-литературных и биографических (мемуарные свидетельства, эпистолярный, дневники) материалов.

Научно-теоретическую базу работы составили труды М.М.Бахтина, А.И.Белецкого, В.В.Виноградова, Л.Я.Гинзбург, Ю.М.Лотмана, Ю.Н.Тынянова, Б.М.Эйхенбаума, Б.О.Кормана, Р.Барта, Л.С.Выготского, А.А.Леонтьева и др.

Понятие «литературная личность» – не синоним творческой индивидуальности и не прямое представление о житейской личности художника. Это *совокупность* представлений о «творческом лице» художника (создается на основе текстовых данных, индивидуально-психологических и творческих характеристик автора), о его личной и писательской судьбе, включая частные случаи его литературной биографии. Отсюда следует, что литературная личность непременно выходит в сферу читательских представлений об авторе и вбирает в себя множественные интерпретации его творчества и оценки его личности. Отсюда же следует, что представление о литературной личности исторически подвижно.

Важнейшим читательским источником в интерпретации литературной личности становится лирический герой поэта. В теоретической трактовке понятия «лирический герой» нас особо интересует его историко-литературная обусловленность, зависимость от литературных традиций (Д.С.Лихачев, Л.Я.Гинзбург, Л.А.Орехова), динамизм (Ю.Н.Тынянов, Б.О.Корман).

И лирический герой Я.П.Полонского первого периода творчества (1840-1860-е гг.) создается в рамках романтической традиции 1820-1840-х гг., в отдельных конкретных случаях – пушкинско-лермонтовской традиции. Следует думать, что читатель-современник раннего Полонского выводил

представление о его литературной личности из представлений о его лирическом герое. Характеристики лирического героя раннего Полонского отрабатываются в процессе индивидуальной авторской интерпретации традиционно-романтических мотивов: преломление национального элемента в произведениях фольклорного жанра; философско-психологическое осмысление взаимоотношений человека и вселенной в пейзажной лирике; романтическая мифология в художественно-эстетической системе поэта.

В контексте требований поэзии 1860-1890-х гг. лирический герой Полонского существенно меняет свои социальные и нравственно-этические характеристики (гражданственность его устремлений, «всеотзывчивость», оправданная эмоциональность), что связано, по-видимому, с развитием новых реалистических тенденций в русской поэзии, обостренным интересом к общественной роли поэта в России с середины 1850-х гг., а также с возрастом, художественной зрелостью и самостоятельностью Я.П.Полонского. Взаимозависимость лирического героя и литературной личности с конца 1850-х становится более тесной. Результаты наблюдений приводят к выводу о реальной созвучности поэтического образа Я.П.Полонского (лирического героя) психологическому складу его личности (честность, мягкость, ранимость и одновременно – гордость, самосознание), что дало яркий, устойчивый эффект предельной авторской откровенности.

В поэзии 1960-1890-х гг. наблюдается тенденция замены поэтически постулируемой откровенности открытым автобиографизмом. В условиях же реального бытования литературной личности и салонного общения поведенческие установки на жизнетворчество сохраняют свою актуальность и «работают» на сознательное, целенаправленное моделирование литературного амплуа поэта. В этом духе отрабатывается автобиографическая проза Я.П.Полонского, которая имеет несомненные следы авторского осмысления себя и своей судьбы в истории России, авторской работы над своим историческим и литературным образом, что в целом характерно для мемуарного жанра вообще. Литературно-исторический образ – понятие гораздо более сложное.

Литературно-исторический образ Я.П.Полонского 1860-1870-х гг. включает как текстовое (стиховое) моделирование своей литературной личности, так и внесение жизнетворческих конструктов в реальную жизнь, с целью утверждения собственного поэтического лица (имени) в ряду литературных знаменитостей. Работа по созданию оригинального писательского амплуа завершается к 1880-му г. – периоду достижения Полонским писательского профессионализма.

Таким образом, творческое воплощение лирического героя для Я.П.Полонского стало своеобразным «отчетом в себе самом» (Л.Я.Гинзбург). Постепенное наложение поэтических характеристик лирического героя укладывается в читательском сознании в единый образ писательской личности Полонского. Поэзия отразила личность поэта, и поэт неукоснительно следовал нравственно-этическим установкам, постулируемым в поэзии.

В автобиографической прозе Я.П.Полонский эстетически организует материал в соответствии с собственным представлением о том, какой должна быть автобиография поэта, как она отражает его пребывание в современности, его включенность в общественно-исторический ход событий. Суть мемуаристики – в ретроспективном осмыслении прошлого и в той мере, в какой оно полно смысла для сегодняшнего дня. Обращение Я.П.Полонского к мемуаристике – не только следствие возрастной ностальгии, но и способ утверждения своего писательского имени в истории литературы. Ю.Никольский достаточно категорично заявлял в 1917 г., что для Полонского «не было радостью быть безымянным, народным поэтом», смысл «действия искусства» он видел в личном бессмертии [14, с.103]. Мысль труднодоказуемая. Но верно то, что «автобиографическая проза» Я.П.Полонского создавалась довольно долго (почти 30-35 лет) и хранит видимые следы целенаправленной работы над собственным литературным образом. В эти же годы (с середины 1850-х) возрос интерес читательской аудитории к личности литератора. Появляется небывалое количество публикаций биографического плана (этим отличается, например, «Современник» 1854-1855 гг.). В 1854 г. И.С.Тургенев предоставил «Современнику» некоторые стихотворения Е.А.Баратынского, его переписку с женой, Пушкиным, Дельвигом и приписал: «Нас, русских, часто и справедливо упрекали в равнодушии к нашим литературным славам, в отсутствии похвального желания ближе познакомиться с самой личностью, с жизнью наших поэтов; в последнее время, однако, стала заметна перемена к лучшему» [25, с.148]. Публика, увидев вместо «воображаемых ею угрюмых и задорных чудачков» (И.И.Панаев), какими представлялись ей поэты и писатели, людей «благовоспитанных и привлекательных», осталась «крайне довольна и <...> устроила моду на поэзию и литераторов» [20, с.98], обрядив, однако, последних в губительные для искусства «светские маски». «Литератор нашего времени, относительно литературных дел, должен быть Чайльд Гарольдом или Печориным, – иначе ему нет спасения», – охарактеризовал публичный идеал поэта И.И.Панаев. «Его один вид должен говорить зрителю: «Я не писатель, я не труженик – я человек света», обязанный «выезжать, острить, беспрерывно обедать в гостях» [20, с.99].

Стремление Я.П.Полонского к литературной известности и личной оригинальности примечалось современниками. Например, А.В.Дружинин в 1855 г. отнес Полонского к числу «талантливейших», «безупречных поэтов нашего времени» [10, с.160-161]. Литературную славу Я.Полонского признавал А.Н.Майков:

От всех хвала тебе награда,
Ты славу вдруг завоевал, –
Для полноты ж успеха надо
Еще, чтоб Зотов обругал [18, с.385].

И, напротив, в 1869 г., когда, казалось бы, талант Полонского обрел полноту, М.Е.Салтыков-Щедрин обнаружил (после издания двух томов «Сочинений» поэта), что Полонский «очень мало известен публике», поскольку он, «благодаря своей скромности, записал себя в число литературных эклектиков»: «С именем каждого писателя (или почти каждого) соединяется в глазах публики представление о какой-нибудь физиономии, хорошей или плохой, с именем г.Полонского не сопрягается ничего определенного» [19, с.345]. Поддержал М.Е.Щедрин (1871) литературный противник Полонского Д.Д.Минаев (о книге «Сноп»):

В поэте этом скромность мне знакома,
Но все-таки я очень поражен:
Свои стихи «Снопами» назвал он.
А где *снопы*, там и *солома* [18, с.425].

В 1870-х гг. Я.П.Полонский признается в своей слабости «славолюбия». В начале 1890 г. вышла книга Эрвина Бауэра “Naturalismus, Nihilismus, Idealismus in der russischen Dichtung”, в которой много места отводилось творчеству А.А.Фета в сопоставлении с российской поэзией. А.А.Фет был озадачен: имя Я.П.Полонского упомянуто не было. Пропуск Бауэра заметил немец-рецензент книги, критик из “Beilage zur Allgemeine Zeitung” (22 марта 1890): «Где называют Фета, Алексея Толстого и Майкова – там нельзя пропускать Полонского» (“da darf Polonskij nicht tehlen”) [15, с.115]. В рецензии же Булгакова в «Новом Времени» (29 марта 1890) этот факт остался без внимания, что Полонский воспринял болезненно: «В “Allgemeine Zeitung” заметили пропуск моего имени, но русский рецензент этого не заметил., ибо несть пророка в своем отечестве, а паче того в Российском государстве» [14, с.115-116]. Тем более утешительна для него была поддержка друзей, особенно А.А.Фета.

В процессе утверждения литературного имени решающее значение имеет признание таланта критикой и публичное одобрение авторитетных писателей. В 1850-е гг. литературная известность Я.П.Полонского выросла благодаря публикациям в «Современнике» его произведений и статей А.В.Дружинина, Н.А.Некрасова.

В 1870-е гг. поэта поддержал И.С.Тургенев. Полонский вел с ним обширную переписку. В.П.Гаевский, готовивший к изданию в «Вестнике Европы» переписку И.С.Тургенева и Я.П.Полонского еще при жизни последнего, как ни удивительно, был убежден, что эта «масса писем» нагонит на читателя скуку: так мало хранилось здесь живой историко-литературной информации [22, с.636]. Это была продуманная, стилистически обработанная переписка (в частности, Я.П.Полонский редактировал письма своей жены, Ж.А.Полонской, к И.С.Тургеневу за 1882-1883 гг.), рассчитанная на безусловную обнародованность в будущем, или даже в современности, и создававшаяся в рамках околосредовой «условной откровенности».

В этом плане характерно, например, письмо А.В.Дружинина к И.С.Тургеневу от 26 декабря 1856 г.: «Милейший и дорогой наш патриарх <...> Отвечайте мне, когда вам это вздумается, писавши к одному из нас, вы пишете ко всем, потому что чтение у нас происходит собором, с прикрыванием пальцем тех мест, которые должны оставаться в секрете» [24, с.199]. Будем иметь в виду, что воспоминания, дневниковые записи Я.П.Полонского также рассчитаны на более или менее широкую читательскую аудиторию. Остаться в памяти поколений – проблема, волнующая Полонского еще в конце 50-х – начале 60-х гг., когда он только создает свое литературное имя, «лицо». Возможно, поэтому его дневниковые записи нерегулярны, как правило, носят, так сказать, «итоговый» характер. В частности, записи за 1858-1860 гг. объединены авторским вступительным словом (в дневнике!): «Эти годы были так полны всякого рода треволнений <...> Грусть моя стала хроническою <...> У меня нет памяти, я не помню собственных имен, чисел, но у меня много воспоминаний. Записать их, однако же, дело нелегкое, для меня, по крайней мере» [5, л.23]. Следующие слова Полонского формулируют авторскую цель: «Я желал бы не щадить себя – ни в чем себя не оправдывать – говорить о себе как о лице, мне совершенно постороннем. Я, сказать по совести, очень желаю, чтоб когда-нибудь, кто-н. из старых, переживших меня друзей моих открыл эту книгу... и мысленно пережил несколько минут из жизни уже несуществующего Полонского. Вот в этом-то и заключается наше земное бессмертие. О загробном бессмертии знает Бог или никто не знает <...> У всякого есть свои сны наяву <...> Они отчасти умирают с нами, отчасти переходят в потомство» [5, л.24-25].

Дневники Полонского, его воспоминания переписаны Ж.А.Полонской. (Ныне хранятся в архиве РГАЛИ, частично были опубликованы в № 1-4 «Голоса минувшего» за 1919 г.) Нет сомнения, что в них, а также в эпистолярной Я.П.Полонский сознательно работает над своим писательским образом, предусматривая будущее прочтение этих материалов и многомерное восприятие своего «я» в историко-литературном и бытийном контексте.

Очевидна обостренная чувствительность к проблеме литературной известности. Но болезненная ранимость все же вносит элемент недоверия в отношения поэта с окружающими, как бы ни были искренни по форме выражения дружеских чувств. Так, в письме к Н.А.Некрасову (август 1859 г.) сквозь вежливую признательность за критику проглядывает уязвленная гордость поэта: «Благодарю за критику в «Современнике», она тем замечательна, что выписывает стихи мои самые непоэтические, чтоб похвалить меня как поэта. Если посылаемые Вам стихи не нравятся – не церемоньтесь – я никогда и ни на что не в претензии, особенно с тех пор, как *ваш кружок доказал мне, что я человек мягкий и проклинать не умею* (курсив мой. – Б.Е.)» [13, с.166]. (Имеется в виду статья Н.А.Добролюбова о Я.П.Полонском 1859 года.) Тогда поэт ответил стихотворением «Для немногих» (1859) – по-видимому, затронуто было самолюбие. Однако Полонский не справедлив к кружку «Современника», много сделавшего для популяризации его творчества, а доля самоуничижения – психологически характерная для Я.П.Полонского реакция. Идея «непонятого» поэта показательно развивается в его стихотворении «Бэда-проповедник» (впервые опубликовано в «Москвитяине», 1841, ч.1, № 4; повторно – в «Современнике», 1855, № 4, с.5-6). Слепой старец Бэда лукаво оставлен мальчиком-проводником, который отошел отдохнуть в тени, а старику сказал, что вокруг собрались люди на его проповедь. «Высокая речь» Бэды «потекла вдохновенно»:

Казалось – слепцу в славе небо являлось;

Дрожащая к небу рука поднималась,

И слезы текли из потухших очей.

«Бэда-проповедник», <1841> [2, с.31].

Но вокруг никого не было. Слепой Бэда – символическая реализация образа поэта, который хотя и сродни пушкинскому «свободы сеятелю пустынному», но находит отклик на свои чувства в природном мире: «Аминь!» – ему грянули камни в ответ» [2, с.3]. Даже если видеть здесь дань традиции, нам придется учесть психологическую и, значит, творческую ориентацию Полонского именно на эту традицию в то время, когда в русской поэзии постепенно утверждался образ поэта-борца. Важно, однако, и то, что «Современник» опубликовал «Бэду-проповедника», открывая журнальный номер, а во «внутренних известиях» с энтузиазмом сообщал о выходе новой книги Я.П.Полонского: «читатели и особенно читательницы <...> найдут местами много истинной поэзии» («Современник», 1855, т.51, с.146).

К концу 1870-х гг. поэтический авторитет Полонского – факт бесспорный. Теперь поэт вправе сам выбирать журнал, в котором хотел бы публиковаться, и уже настаивает на своей привилегии выбора, диктует условия. С известной претензией на почтительное к нему отношение Я.Полонский пишет 27 декабря 1878 г. М.М.Стасюлевичу: «Я ни слова не говорил с Вами ни о каких условиях <...> Я уверен, что М.М.Стасюлевич ни в каком случае не заплатит и *не захочет* заплатить мне менее, чем другие редакторы – *менее, чем я заслуживаю* <...> Вы пишете об *обычных* условиях; но я убежден, что обычных условий для такого редактора, как Вы, существовать не может, что вы каждому воздаете по мере его трудов и таланта <...> Будь я начинающий, мне, конечно, было бы особенно лестно появление имени моего на страницах Вестника Европы – но – увь! *я давно уже не из числа начинающих – моя репутация* – какова бы ни была она, *уже установившаяся репутация*... Мне все равно, что обо мне скажут, если я появлюсь в журнале начинающем или мало распространенном (курсив мой. – Б.Е.) [22, с.510-511].

Разумеется, не все равно. Так, к журналу «Огонек», где печататься, по словам Н.Н.Страхова, «маленькое унижение», Я.П.Полонский обращается скрепя сердце, находясь в «самых неважных условиях». «Что такое Огонек? <...> Только графам Сальясам да каким-нибудь Полонским и позволительно заходить в такое мизерное, не фешенебельное общество!» – жалуется Полонский И.С.Тургеневу 24 мая 1879 г. [23, с.216-217]. Впрочем, в том же 1879 г. «Огонек» (№ 10, с.210-212) поместил стихотворение Я.П.Полонского «Н.А.Грибоедова», которое А.Фет нашел «прелестным от начала до конца», а Н.Н.Страхов назвал «чудесным» [11, с.95, 92]. Однако в свое время оно было «забраковано» М.М.Стасюлевичем, на что Полонский, «употребляющий», по словам того же Н.Н.Страхова, «такие великие старания избежать ссоры с передовыми» [11, с.92], отреагировал болезненно. Негативную журнальную критику он воспринимал как «гонения». Так, в стихотворении «Библиографы» (предп. конец 1860 г. – начало 1870 г.) Я.Полонский, уверенный в своем литературном авторитете («Я за прозу берусь, я за вирши берусь»), называет критиков «мусорщиками», что «жадно хватают» всякую «дичь».

Необходимо признать, что Полонский был «отходчив» в отношении к литературному противнику, а в зрелости пришел к философскому выводу:

Я врагами богат и друзьями,
 Стало быть, и вражда – не беда <...>
 Поневоле, завидуя силе,
 Я врагами горжусь иногда.
 «Я врагами богат...», <1890> [1, т.2, с.453].

«Наивная дружба», хоть и готова «и славы, и денег желать», «робка» и молчаливо сострадательна. А серьезный противник – это признание Полонского на литературном Олимпе. Здесь кстати вспомнить стихотворение «Литературный враг» (1867), посвященное Д.Д.Минаеву, последовательно критиковавшему поэзию Полонского за «идеалистическую» направленность (ж. «Время», «Эпоха», 1861-1864). Когда в 1866 г., после каракозовского выстрела, Д.Минаев был посажен в Петропавловскую крепость, Полонский откликнулся:

«Господа! я нынче все бранить готов –
 Я не в духе – и не в духе потому,
 Что один из самых злых моих врагов
 Из-за фразы осужден идти в тюрьму...» [2, с.173].

«Подавлена проклятою тюрьмой» вражда, с узником бороться не пристало: поэт – «боец, а не нахал» [2, с.174]. К бывшему литературному противнику нет ненависти, а есть уважение – и есть уважение к той литературной полемике, где каждый – «вольной мысли то владыка, то слуга». Вражда литературная не имеет ничего общего с враждой в обыденном смысле, и «бессеребренники» литераторы – «бескорыстные» служители общества:

Он язвил меня и в прозе, и в стихах;
 Но мы бились не за старые долги,
 Не за барыню в фальшивых волосах,
 Нет! – мы были бескорыстные враги! [2, с.173]

К 1870-м гг. Я.П.Полонский уже имел статус профессионального литератора, он – неременный участник парадных литературных вечеров и заседаний в компании с В.Г.Бенедиктовым, И.А.Гончаровым, Д.В.Григорьевичем, Ф.М.Достоевским, А.Н.Майковым, А.Н.Островским, А.Ф.Писемским, А.Н.Плещеевым, М.Е.Салтыковым, К.К.Случевским, Н.Н.Страховым, И.С.Тургеневым, А.А.Фетом и др.

В 1860 – 1880-е гг. Полонский – постоянный гость у Ф.М.Достоевского, редактора «Недели» П.А.Гайдебурова, Е.А.Штакеншнейдер. Теперь он представитель большой литературы, с которым лестно познакомиться и к чьему мнению полезно прислушаться.

Имя Полонского широко известно и в России, и за рубежом (по крайней мере, в среде русской эмиграции, свидетельством чему воспоминания Е.И.Пальмер, американской подданной русского происхождения). Л.И.Веселитская (В.Микулич), встретив Полонского на вечере у Е.А.Штакеншнейдер весной 1879 г., «узнала его по портретам» [12, с.7].

Весьма примечательна внешность Полонского: все мемуаристы осложняют его словесный портрет психологическими подробностями, вернее, трактовкой личности поэта, при этом восприятие этой личности сходно: «молодые, мечтательные глаза» [3, л.1] (Е.Н.Опочинин, 1880), «подслеповатые добрые глаза» [6, л.2] (В.В.Федоров, 1898). Е.И.Пальмер вспоминала: «Мягкое, всепрощающее чувство было главной чертой Полонского» [4, л.16].

У современников отчетливо сложился психологический портрет Полонского – поэта «чистого искусства». И Полонский не устает напоминать о своей принадлежности романтическому миру искусства. В 1870-1890-е гг. он выступает с рядом стихотворений, подчеркивающих особое положение поэта в обществе: «Врагам правды», «Муза», «В наш век», «Монолог», «Загадка» и др. Отмеченность поэтическим даром, исключительность судьбы поэтической личности постулируется Я.П.Полонским и в бытийном образе, т. е. в повседневной жизни, в условиях замкнутой литературной атмосферы, на 1880-1890-е гг. достаточно театрализованной.

Сценичность «литературного» поведения – неотъемлемая черта салонного общения, проявляющаяся у различных литературных личностей в большей или меньшей степени. Порой это принимало слишком выразительные формы и вызывало иронические отклики, как, например, о «вечерах» у К.К.Павловой, где хозяйка «явно пыталась воплотить или даже разыгрывала» годами складывавшийся у нее идеал «поэта» [16, с.8]. Сценичность не могла не присутствовать в поведении Полонского-поэта: в поступках, движениях, мыслях, словах. Любопытные наблюдения принадлежат Е.И.Пальмер. Так, в 1890-е гг. «уже довольно слабый и почти не расстававшийся с костылями» Я.П.Полонский, на тот период хозяин и душа литературных «пятниц», «выходил на звуки музыки из кабинета и, пока позволяли силы, стоял в дверях залы, весь превращаясь в слух. Глубокое очарование

музыкой виднелось в его взгляде, и лицо его становилось загадочным и вдохновенным» [4, л.17], – так подчеркивалось волнующее родство с миром прекрасного.

Или, например, акцентуация на старинных дружеских литературных привязанностях. Подчеркнутая верность им искренне умиляла современников: «Трогательно видеть, как <...> два милые старика (А.Н.Майков и Я.П.Полонский. – Б.Е.) сидели иногда рука в руку или, обняв один другого, напечатлевали на лбу поцелуй. – Это было так естественно, так задушевно, что радовало сердце» [4, л.17-18]. Полонский демонстрировал приобщенность к литераторам «благородной» эпохи 1840-х гг. На одной из «пятниц» А.Н.Майков читал свою «Брунгильду», а Я.П.Полонский «сидел в своем кресле за письменным столом и не сводил глаз с Майкова». «И наслаждение и гордость светились в его взоре, который как будто говорил: «ведь это наш, из стаи славных, – последних из могикианов сороковых годов!» – вспоминала Е.И.Пальмер [4, л.18]. Снисходительно-покровительственное одобрение юных талантов также было элементом салонного общения и даже литературной темой, чему свидетельством история стихотворения «Дайте нам стих в совершенстве лирический...» (1877), написанного в назидание начинающему литератору И.Щеглову. «Не скажу, чтобы стихи ваши были безусловно плохи <...> Но все это не то, не то, что нужно для поэта, – резонирует Полонский. – В ожидании вас и под впечатлением вашего сборника я набросал вот эти стихи, которые прошу принять от меня как напутствие <...> Тут приблизительно обозначено, что собственно нужно для современного поэта!..» [8, № 64].

«Театрализованность» салонного поведения воспринималась современниками естественно и была явлением, скорее, общим, нежели исключительным. В 50-е и даже 60-е годы салонная жизнь, по мнению современников, мало чем отличалась «от того, что было во времена «Беседы любителей Русского слова» и «Арзамаса»: «Все <...> литераторы и ученые наперечет, каждый из них лично знаком со всеми остальными», «наука и литература отчасти семейное дело <...>, в ней устными разговорами и тому подобными до-гуттенберговскими средствами ведется многое» («Современник», 1856, т.57, с.11). Что стоит за этим «ведется многое»? В салонном общении завязываются и выясняются отношения, равно деликатно говорят с людьми, связанными симпатией и антипатией, сплетничают, восхищаются искренне и неискренне, учатся и умеют рассуждать о культуре. Здесь все друг о друге знают, частная жизнь – предмет общего обдумывания и обсуждения, человек все время «на виду». Оторваться от салона – значит прервать литературные отношения, оставаться «своим» в салоне – значит считаться и поддерживать отношения с людьми, далеко не всегда приятными, во всяком случае, о них все время приходится помнить и просчитывать последствия каждого произнесенного слова. Каково было Полонскому в салонных кругах? Об этом в дневниках практически нет информации. Это – сфера сокровенного. Внешне все выглядело действительно по-семейному. Так, в 1857 г. (31 авг.) В.Г.Бенедиктов пишет стихотворное послание «Я.П.Полонскому» в Швейцарию, причем не только от себя, а от всего кружка Е.А.Штакеншнейдер, отсюда не «я», а «мы»: «*Наш* превосходный, / Драгоценнейший поэт!», «Ты ж дай нам весть», «вчера <...> утешно побеседовалось нам» (курсив мой. – Б.Е.). Вот и почти «семейная» сцена:

Был Щербина, Сонцов; снова
О тебе метали слово –
Знаешь – с бранью пополам;
Вспоминали Соколова
И фон Яковлева там
И стихи твои читали,
И казалось мне: в тиши
В них оттенки трепетали
Подвижной твоей души,
И – не надобно портрета. –
Личность светлая поэта
Очерталась: поспеши
Дать еще два-три куплета –
И подарок доверши (курсив мой. – Б.Е.) [9, с.447].

Я.П.Полонский посещал «субботы» М.Ф.Штакеншнейдер, куда зимой 1854-55 гг. его ввел Г.П.Данилевский, «понеделники» супругов Ф.Н. и А.П.Глинка, «воскресенья» графа Ф.П.Толстого. Состав писателей, посещавших эти дома, был «почти однообразный», однако каждый из салонов имел свой «социальный» профиль, свои правила, которые диктовали соответствующее поведение хозяевам, задавали тон общения гостям.

В откровенности Я.П.Полонского не сомневался никто. Л.И.Поливанов на седьмом заседании по присуждению пушкинских премий (1891) оценил поэзию Полонского: она «не зажигает», не эффектна, но «линии ее красивы», свободны от всякой позы», *простота* является ее отличительной

чертой, «поскольку необходима и неизбежна при той искренности, которая свойственна каждому его лирическому излиянию» [17, с.5]. Простота и мечтательность – «амплуа» Полонского, которое в 1870 – 1890-е гг. становится линией поведения в литературе и жизни. Поэтом «задушевного чувства» вошел Я.П.Полонский в память современников. Этим, по справедливому замечанию В.С.Соловьева, «не исчерпывается» его поэзия, «но это, конечно, самая отличительная ее особенность» [21, с.372]. Безусловно, «поэт не был слеп к сложности исторической жизни», но «обличительному негодованию» он предпочитал «простоту задушевного чувства» и «более всего он отзывался на те простые человеческие отношения, которые скрываются за этой сложностью». По мысли В.Соловьева, Полонский – «главный после Пушкина поэт простого задушевного чувства» [21, с.373].

В реальной жизни юбилеи Я.П.Полонского как признанного поэта, достойного преемника пушкинских традиций становятся официально значимыми событиями в литературном Петербурге.

Еще с конца 1870-х гг. Полонский устраивал открытые «пятницы». Положение мэтра большой литературы явно увлекало Полонского, который рассчитывал на заслуженное внимание. Многолюдное окружение – не только потребность натуры, но мерило литературного признания. С молодыми и начинающими Полонский был неизменно гостеприимен, с почтенными – дружески короток, задушевен. «Сюжет общения» с оттенком милой простоты и кротости давался ему легко и доставлял удовольствие и гостям, и хозяину. Наиболее приемлемой поведенческой установкой для Полонского стала роль утомленного, уже в годах писателя, мудрого и снисходительного. В 1880-1890-е гг. широко освещались прессой заслуги Я.П.Полонского перед наукой, его служебные продвижения: с 1886 г. – член-корреспондент Академии наук, с 1896 г. – член совета Главного Управления по делам печати [7, № 57]. Газета «Новое время» в декабре 1895 г. известила о 75-летней годовщине со дня рождения «нашего маститого поэта Я.П.Полонского» [7, № 53].

Столичное литературное общество и – шире – литературное «окружение» (деятельность литературной периодики в 1860 – 1890-е гг., раздвижение тематических рамок философской, исторической, общественной, литературной полемик) чрезвычайно способствовали творческой активности Я.П.Полонского и, возможно, обеспечили его творческое долголетие. Отсюда и вера в идеал, и личная всеотзывчивость, обуславливающая поэтический отклик Полонского на общественно-исторические события. Его отличает высокое сочувствие, сопереживание, проникновение в трагедию иных творческих личностей. Так, в сложнейший для Некрасова период (после оды М.Н.Муравьеву) Полонский, несмотря на резкие перепады в отношениях, откликнулся стихотворением «О нем» (сб. «Сноп», 1871), впоследствии названном «О Н.А.Некрасове». Некрасов здесь представлен поэтом-гражданином, что «глядел бойцом, а не рабом», «вещим певцом страданий и труда», а все толки о нем – клеветническими.

Важно сказать, что Полонский был искренен и правдив, когда писал о своей драматической судьбе. Здесь нет поэтического преувеличения. Похоже, что даже в обстановке сложившейся для него литературной стабильности он чувствовал неудовлетворенность, одиночество. В стихотворении «Памяти С.Я.Надсона» (1887, 19 янв.) Полонский высказал мучительные для него самого мысли: «рассудку не хватало слов... / И сердце жаждало стихов». В своей «дороге краткой» Надсон вкусил и «шум славы», и «гром рукоплесканий», «насмешку, холод и привет», не познал только радости бытия и остался в памяти людей «поэтом тревожных упований». А через год Я.П.Полонский рассказывал о не менее трагической судьбе молодого В.М.Гаршина («Памяти В.М.Гаршина», 1888). Именно эти стихотворения говорят о том, о чем в общем-то Полонский никогда не пишет, когда пишет о себе. А именно: трагедия таланта. Казалось бы, Полонский состоялся: семья, друзья, относительное материальное благополучие, множество сборников, почитатели его таланта разных поколений, наконец, поэтическая популярность и салон. Но «он часто сам не знал, чего ему хотеть, к чему стремиться», – как писал о Полонском Ю.И.Айхенвальд [8, с.86]. В своем многописании (а к этому вынуждала жизнь) он не всегда был требователен к себе, и в этом была правда жизни и самая большая боль. Осознание собственной нерешительности мучило Полонского: «Я точно личность без лица», «Я сам не знаю, где я еду <...> / Но каждый путь ведет к концу» [8, с.86]. Его личная трагедия отчетливо просматривается в письмах к А.А.Фету 1880-1890-х гг.

Обозначим характеристики литературной личности Я.П.Полонского в итоговый период (1880-1890-е гг.): маститый литератор, законодатель в поэзии, литературный деятель, сотрудничавший с авторитетнейшими журналами; хозяин демократичного литературного салона (таких было немного); свидетель литературных судеб русских классиков; человек, добившийся статуса профессионального поэта; болезненный, не очень счастливый, но не озлобившийся, а бесконечно добрый к окружающим человек, и при этом талант, так и оставшийся трагически одиноким, «нереализованным» до конца (как считал сам Я.П.Полонский).

Выводы.

При создании литературно-исторического образа Я.П.Полонского мы использовали прием литературоведческой аппликации из «фрагментов» жизни и творчества поэта, что представляется допустимым, так как сама литературная личность подает на суд читателя (зрителя) условно-поэтические ситуации избирательно, в соответствии с личной программой литературного утверждения. Эта методика представляется перспективной при анализе жизнетворческих установок в поэзии конца XIX и даже начала XX ст.

Литература:

1. Полонский Я.П. Полное собрание стихотворений: В 5-ти т. – СПб., 1896.
2. Полонский Я.П. Сочинения: В 2-х т. – М., 1986. – Т. 1.
3. Опочинин Е.Н. Яков Петрович Полонский и его Пятницы. Воспоминания. Машинописная копия. – РГАЛИ. – Ф. 403, оп. 1, ед. хр. 7. – 23 л.
4. Пальмер Е.И. Воспоминания о Я.П.Полонском. – РГАЛИ. – Ф. 403, оп. 1, ед. хр. 5. – 22 л.
5. Полонский Я.П. Дневниковые записи. Копия, сделанная рукой Ж.А.Полонской. 1856 – 1860 гг. – РГАЛИ. – Ф. 403, оп. 2, ед. хр. 7. – 136 л.
6. Федоров В.В. Воспоминания. – РГАЛИ. – Ф. 2570, оп. 1, ед. хр. 412. – Л. 44-47.
7. Языков Д.Д. Полонский Я.П. // Языков Д.Д. Материалы для обзора жизни и трудов русских писателей и писательниц – РГАЛИ. – Ф. 637, оп. 1, ед. хр. 19, ч. 1. – № 46-86.
8. Айхенвальд Ю.И. Полонский // Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. – Вып. II. 2-ое изд. – М., 1909. – С. 74-87.
9. Бенедиктов В.Г. Стихотворения. – Л., 1983.
10. Дружинин А.В. Стихотворения графини Ростопчиной, Я.П.Полонского и И.Никитина // Дружинин А.В. Собрание сочинений: В 8-и т. – Т. 7. – СПб., 1865. – С. 153-168.
11. Из переписки. Письма графа Л. Толстого, А. Фета и Н. Стрехова // Русское обозрение. – М., 1901. – Вып. 1. – С. 70-103.
12. Микулич В. Встреча со знаменитостью. – М., 1903.
13. Некрасов Н.А. Переписка: В 2-х т. – М., 1987. – Т. 1.
14. Никольский Ю. История одной дружбы. Фет и Полонский // Русская мысль. – М.–Пг., 1917. – № 5–6. – С. 82-127.
15. Оболенский Л. Нечто об идеалах, поэзии и Я.Полонском // Русское богатство. – СПб., 1887. – № 4, отд. III. – С. 129-144.
16. Павлова К.К. Полное собрание стихотворений. – М.–Л., 1964.
17. Поливанов Л.И. Вечерний звон. Стихи 1887 – 1890 Я.П.Полонского. Разбор Л.И.Поливанова. – СПб., 1891.
18. Русская эпиграмма (XVIII – начало XX века): Сборник. – Л., 1988.
19. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20-ти т. – Т. 9. – М., 1870.
20. Современные заметки. Письма «Иногороднего подписчика» о русской журналистике. Б. п. // Современник. – СПб., 1854. – Т. 44. – С. 96-108.
21. Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. – М., 1990.
22. Стасюлевич М.М. и его современники в их переписке: В 5-ти т. / Под ред. М.К.Лемке. – Т. 3. – СПб., 1912.
23. И.С.Тургенев. Вопросы биографии и творчества / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – Л., 1982.
24. Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы 1847 – 1861. – М.–Л., 1930.
25. XV стихотворений Е.А.Баратынского. Б.п. // Современник. – СПб., 1854. – Т. 47. – С. 147-160.

Поступила 23.09.2004 г.